

ПОДПИСКА О НЕВЫЕЗДЕ И ДРУГИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, ИЗБРАНИЕ КОТОРЫХ НЕ ТРЕБУЕТ РЕШЕНИЯ СУДА

А.С. БАРАБАШ

Барабаш Анатолий Сергеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск).

Предлагаемый читателю текст тесно связан с текстом [статьи](#) "Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание", опубликованной в 4-м и 5-м номерах "Российского юридического журнала" за 2016 г. В нем под тем же углом зрения, что и в предыдущем, выясняются основания для избрания подписки о невыезде и надлежащем поведении, личного поручительства, наблюдения командования воинской части, присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) и схемы доказывания их наличия. Автор обращается к этим вопросам в силу того, что практические работники, впрочем, как и представители теории, не понимают, что служит основанием для применения этих мер пресечения, как доказывать их наличие. Основой выводов явилось использование формально-логического и диалектического методов познания в их единстве.

Ключевые слова: подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, основания для избрания мер пресечения.

A recognizance not to leave and others measures of restraint, the imposition of which doesn't require a court decision

A.S. Barabash

Barabash A.S., Krasnoyarsk, Siberian Federal University.

This article is closely related to the article "The grounds for imposing detention, house arrest or bail and their proving" published in the fourth and fifth issues of "The Russian Juridical Journal" in 2016. The author, from the same perspective, reveals the grounds for imposing a recognizance not to leave and to behave in the proper way, personal guarantee, surveillance by the command of a military unit, supervision of minor suspect or accused, and proposes the schemes of their proving. The reason of studying these two aspects is that the most practitioners (and scientists as well) don't even know what are the grounds for imposing these measures of restraint and how to prove them. The author's conclusions rest on the use of the dialectic and formal logical methods.

Key words: recognizance not to leave and to behave in the proper way, personal guarantee, surveillance by the command of a military unit, supervision of minor suspect or accused, grounds for imposing a measure of restraint.

Среди мер пресечения, не требующих судебного решения, центральное место занимает подписка о невыезде и надлежащем поведении ([ст. 102 УПК РФ](#)). В [ст. 103](#) о личном поручительстве и [ст. 104](#) о наблюдении командования воинской части установлена необходимость выполнения лицом, в отношении которого применены данные меры, обязательств, перечисленных в [п. п. 2 и 3 ст. 102 УПК](#). Это обязательства в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. В [ст. 105](#) о присмотре за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым законодатель не ограничивается отсылками к двум названным пунктам и предусматривает также обязательство, закрепленное в [п. 1 ст. 102](#), - не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда.

Можно еще понять, почему это обязательство не указано в [ст. 104](#). Наблюдение командования воинской части предполагает нахождение военнослужащего на территории воинской части, его нельзя одного назначать в наряды за ее пределами. Этим обеспечивается обязательство подозреваемого (обвиняемого) являться по вызовам. Но как его обеспечить при применении личного поручительства, если на обвиняемого не возлагается обязанность не покидать постоянного места жительства без разрешения

органов? В таком случае личному поручителю вряд ли есть смысл ручаться, что обвиняемый в назначенный срок будет являться по вызовам. Рассматриваемые обязательства тесно взаимосвязаны, и первое предполагает возможность реализации второго.

Ну а что следует считать под надлежащим поведением, о котором идет речь в [ст. ст. 102 и 105](#)? В литературе можно встретить простой ответ на этот вопрос. Рассматривая подписку о невыезде, О.В. Баландюк предлагает под надлежащим поведением понимать "выполнение обязательств, изложенных в [п. п. 2 и 3 ст. 102 УПК РФ](#)" [<1>](#). Подобное толкование, на наш взгляд, нужно распространить и на второй случай - присмотр за несовершеннолетним. Следовательно, надлежащее поведение не обязательство, как можно было бы заключить исходя из текста анализируемых статей, а оценка выполнения обязательств с позиций достижения целей применения мер пресечения [<2>](#). Указание на надлежащее поведение в тексте закона в данном случае лишено всякого смысла. Прав был И.Л. Петрухин, когда писал, что аспекты надлежащего поведения процессуально безразличны, так как не имеют значения правовых обязательств [<3>](#).

[<1>](#) Баландюк О.В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 84.

[<2>](#) Ю.А. Тимохин обозначает эти случаи как надлежащее поведение в широком смысле, а что следует под ним понимать в узком - не пишет (Тимохин Ю.А. [Значение подписки о невыезде](#) и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю // Рос. следователь. 2012. N 10).

[<3>](#) Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 226 - 227.

Еще важный момент. В одной из предыдущих статей мы определили цели применения мер пресечения [<1>](#). Не являются ли положения [п. п. 1 и 3 ст. 102](#) не очень удачным их повторением? Причем цели, которые должны быть реализованы органами власти при применении мер пресечения, переведены в обязательства обвиняемого. Подобное не совсем корректно. А что означает формулировка "иным путем не препятствовать производству по делу"? Вероятно, это обобщенное указание на недопустимость поведения, связанного с нарушением других целей применения мер пресечения, кроме сокрытия от дознания, предварительного следствия или суда.

[<1>](#) Барабаш А.С. [Цели и основания избрания](#) меры пресечения // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 12. С. 184 - 190.

Нет необходимости всякий раз при описании той или иной меры пресечения говорить о целях, достижению которых она должна служить, а тем более переводить их в обязательства обвиняемого. В указанной выше [работе](#) мы предлагали редакцию [статьи](#), закрепляющей общие для всех мер пресечения цели, и объяснили, почему именно они должны быть реализованы при применении любой меры пресечения. И если одни авторы, например Б.Б. Булатов, В.В. Николук и О.И. Цоколова, обращаясь к определению целей подписки о невыезде, считают, что она может применяться не только для пресечения попыток обвиняемого (подозреваемого) скрыться, но и в целях устранения возможности воспрепятствовать производству по делу или совершить новое преступление [<1>](#), то другие полагают, что эта мера пресечения лишь не позволяет обвиняемому (подозреваемому) покинуть постоянное или временное место жительства без разрешения и обеспечивает его явку в назначенный срок. Помешать другим способом производству по уголовному делу подписка не может [<2>](#). Данные утверждения противоположны. Справедливость одного из них можно доказать, соотнеся цели с основанием для избрания меры пресечения. Правильно установить последнее - значит определить возможности конкретной меры пресечения по обеспечению целей применения всех мер пресечения и те обязательства, выполнение которых обвиняемым (подозреваемым) этому поспособствует.

<1> Булатов Б.Б., Николук В.В., Цоколова О.И. Меры пресечения в уголовном процессе: Учеб.-практ. пособ. М., 2005. С. 11.

<2> Ткачева Н.В. Теория и практика применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 54 - 55; Исеев Д.Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009; URL: https://susu.ru/abstract/file/abstract/iseev_damir_ruslanovich.doc.

Законодатель (повторим) вместо того, чтобы прописать основания применения рассматриваемых мер пресечения, начал с обязательств лиц, к которым они применены. А это, как мы уже выяснили, не совсем корректное и совсем не нужное дублирование целей применения мер пресечения. В тексте [ст. ст. 102 - 105](#) УПК РФ речь следовало вести об основаниях для применения меры пресечения и о механизме обеспечения данной мерой должного поведения обвиняемого.

В несовершенном изложении статей о конкретных мерах пресечения прослеживается простая мысль о том, что применение любой меры пресечения способно при правильном установлении его основания обеспечить реализацию всех целей применения мер пресечения. Эту мысль не удалось уловить в [УПК РСФСР](#). За примером далеко ходить не надо. В силу [ст. 93](#) УПК РСФСР "подписка о невыезде состоит в отобрании от подозреваемого обязательства не отлучаться с места жительства или временного нахождения без разрешения соответственно лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда...". Подобное предписание можно понимать только так: "Подписка о невыезде может обеспечить лишь неуклонение обвиняемого от следствия и суда. Поэтому она не должна применяться в отношении лица, которое, находясь на свободе, может помешать установлению истины по делу или может продолжать преступную деятельность" <1>.

<1> Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А.М. Рекункова, А.К. Орлова. М., 1985. С. 170.

С учетом сказанного обратимся к особенностям применения подписки о невыезде <1>. Эта мера пресечения - одна из самых распространенных. К сожалению, официальной статистики ее избрания нет, в силу чего воспользуемся исследованиями отдельных авторов. По данным И.Н. Кондрата, подписка о невыезде составляет более 50% общего числа всех избранных мер пресечения <2>. Цифры, приводимые Ю.А. Тимохиным, еще более впечатляют: "В среднем к 100 обвиняемым по уголовным делам, находившимся в производстве следователей следственных подразделений СУ при УВД по Хабаровскому краю, подписка о невыезде и надлежащем поведении избирается в отношении 80 человек, в отношении 20 избирается заключение под стражу. Избрание других мер пресечения носит единичный характер" <3>. Этот же автор раскрывает причину популярности подписки о невыезде: оказывается, для избрания этой меры достаточно вынести постановление и отобрать подписку у обвиняемого <4>. Однако именно простота избрания подписки о невыезде, как считает Ю.А. Тимохин, делает ее неэффективной <5>. Чтобы "реанимировать" подписку, он предлагает использовать электронный браслет - иного способа не видит <6>. Существующая простота дополняется новой простотой, упраздняющей необходимость следователя думать, принимать решение и нести за него ответственность. Обвиняемый как человек выпадает из процесса, моральная сторона дела остается за скобками. Чего проще - надеть на обвиняемого браслет, словно ошейник на раба, независимо от того, есть к тому основание или нет.

<1> Полагаем, что упоминать о "надлежащем поведении" в названии этой меры не следует.

<2> Кондрат И.Н. [Обеспечение прав личности](#) в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика. М., 2015.

<3> Тимохин Ю.А. [Указ. соч.](#)

<4> [Там же.](#)

КонсультантПлюс: примечание.

Статья Н.А. Колоколова "Залог, домашний арест: становление практики (статья 1)" включена в информационный банк согласно публикации - "Российский следователь", 2011, N 11.

<5> **Там же.** Ю.А. Тимохин подтверждает свое высказывание о неэффективности подписки о невыезде словами Н.А. Колоколова: "Что касается подписки о невыезде и надлежащем поведении (время от времени суды ее тоже избирают), то в основе ее эффективности лишь "порядочность" обвиняемого. Категория столь же несовершеннолетняя, как и многое другое в уголовном судопроизводстве" (Колоколов Н.А. Залог, домашний арест: становление практики (статья 1) // Уголовный процесс. 2011. N 11. С. 12).

<6> Тимохин Ю.А. **Указ. соч.**

Рассмотрим другой вариант решения проблемы. Исходя из текста закона можно прийти к выводу о том, что под основанием для применения подписки о невыезде законодатель подразумевает письменное обязательство обвиняемого <1> вести себя должным образом, не допуская действий, нарушающих цели избрания мер пресечения. Да, это основание, но формальное, а не содержательное. Письменное обязательство только тогда будет значимо, когда мы выясним, что есть основания для избрания подписки о невыезде. Не станем же мы полагаться на честное слово обвиняемого при решении этого важного вопроса?

<1> Авторы "Энциклопедии юриста" полагают, что именно в этом заключается сущность подписки о невыезде (Подписка о невыезде // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1626). Понимают ли они, что такое сущность?

Что же должно быть установлено для отображения письменного обязательства? Именно последнее слово является ключевым для понимания сущности основания для избрания этой меры пресечения. Давая подписку, обвиняемый (подозреваемый) обязуется перед органом, ведущим расследование или судебное разбирательство, не скрываться от дознания, предварительного следствия и суда, не заниматься преступной деятельностью, не препятствовать производству по делу. Подписывая такое обязательство <1>, он тем самым выражает свое согласие на избрание подписки о невыезде. Подчеркивая важность такого согласия, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский ссылаются на **ст. 3.4** Токийских правил, в силу которой "не связанные с тюремным заключением меры, которые накладывают какое-либо обязательство на правонарушителя и которые применяются до формального разбирательства в суде или вместо них, требуют согласия правонарушителя" <2>. На наш взгляд, это не совсем уместная ссылка. Особенность рассматриваемой меры пресечения заключается в том, что никто не накладывает на обвиняемого (подозреваемого) обязательства, вытекающие из ее применения. Давший согласие сам осуществляет принуждение в отношении себя. И здесь важна как раз его порядочность, которая есть не "несовершенная категория" <3>, а вполне установленная характеристика человека.

<1> А.Р. Белкин абсолютно правильно указывает, что по действующему законодательству подписка не отбирается, а дается. Следовательно, обвиняемый добровольно принимает на себя обязательства, связанные с реализацией этой меры пресечения. Отказ обвиняемого дать подписку, по мнению автора, "должен признаваться равносильным сознательному нарушению избранной меры и может являться основанием для избрания иной, более строгой меры пресечения" (Белкин А.Р. **"Менее строгие" меры пресечения** в уголовном процессе России // Уголовное судопроизводство. 2012. N 3. См. также: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. **Комментарий** к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2012). Странная получается добровольность. Полагаем, что к сознательному нарушению меры, которая еще не избрана, отказ дать подписку приравнять нельзя. Он также не может считаться основанием для избрания более строгой меры пресечения.

Приведенное, на наш взгляд, свидетельствует о формальном подходе к избранию мер пресечения, где содержательное основание такого избрания не учитывается.

КонсультантПлюс: примечание.

Учебник А.В. Смирнова, К.Б. Калиновского "Уголовный процесс" (под общ. ред. А.В. Смирнова) включен в информационный банк согласно публикации - КНОРУС, 2008.

<2> Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учеб. СПб., 2004. С. 254.

КонсультантПлюс: примечание.

Статья Н.А. Колоколова "Залог, домашний арест: становление практики (статья 1)" включена в информационный банк согласно публикации - "Российский следователь", 2011, N 11.

<3> Колоколов Н.А. Указ. соч.

А если обвиняемый откажется взять на себя такое обязательство? Этим же вопросом задается К.Б. Калиновский: "Что же делать, если обвиняемый, подозреваемый не дает подписку, а заключение под стражу или домашний арест применить невозможно? Остается применить лишь обязательство о явке (статья 112 УПК РФ), которое не является мерой пресечения и неспособно обеспечить цели данного института" <1>. По мнению автора, проблема разрешится, если мы обратимся к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и изберем "такую меру пресечения, как отдача под особый надзор полиции (пункт 2 статьи 416)" <2>, модернизируя ее с учетом современных реалий. Примечательно, что К.Б. Калиновский в качестве альтернативы подписки о невыезде рассматривает только две меры пресечения из шести, причем самые суровые. Почему? По всей видимости, остальные "выпали" из поля зрения данного автора, как и многих других исследователей, в силу того что им непонятны основания для их применения и потенциал. Для начала следует разобраться с уже имеющимися мерами пресечения, а уже потом, если их и в самом деле "недостаточно для обеспечения баланса эффективности уголовного судопроизводства и прав и свобод подозреваемых и обвиняемых" <3>, искать дополнительные.

<1> Калиновский К.Б. Система мер пресечения в российском уголовном процессе: современные проблемы и исторический опыт // URL: <http://www.iuaj.net/node/1550>.

<2> Там же. Против этого предложения выступает И.О. Цоколова, считающая, что "недопустимо при применении подписки о невыезде сводить ее к полицейскому надзору (Цоколова И.О. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. N 1. С. 8).

<3> Там же.

Положим, что обвиняемый принял на себя упомянутое обязательство, но следует ли ему доверять? Для ответа на этот вопрос нужно выяснить отношение обвиняемого к данному им слову. Судить об этом можно, исходя из анализа его слов и поведения во время следствия. Однако наших наблюдений недостаточно для принятия решения, ведь следователь контактирует с обвиняемым (подозреваемым) в необычной для него ситуации, которая может наложить очень серьезный отпечаток на его слова и поведение. Нужно получить информацию также от тех, кто хорошо знает обвиняемого. Следует привлечь и официальные документы, где фиксировались сведения об обязательствах и результатах их выполнения обвиняемым (подозреваемым). Если полученная информация приводит нас к выводу, что перед нами человек слова, есть основание для применения рассматриваемой меры пресечения. Дополнительной гарантией соблюдения обвиняемым принятого им на себя обязательства выступает возможность замены этой меры пресечения в случае ее нарушения более строгой.

При применении такой меры пресечения, как подписка о невыезде, рекомендуем придерживаться следующей схемы: работая с реальными объектами, мы получаем информацию о том, как соотносятся слова и поступки обвиняемого. Если полученная и проверенная информация (идеальные объекты) дает возможность сделать вывод, что обвиняемый выполняет свои обязательства, мы берем у него подписку о невыезде и надлежащем поведении. В противном случае переходим к выбору иной меры пресечения.

Предложенная схема доказывания позволяет говорить о содержательном основании для применения подписки о невыезде. Но чтобы возможность ее избрания стала реальностью, нужно установить, имеется ли для этого формальное основание. Таковым служит наличие у обвиняемого (подозреваемого)

постоянного или временного места жительства.

Итак, для положительного решения вопроса об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде предстоит выяснить следующие обстоятельства:

- а) согласие обвиняемого (подозреваемого) на избрание подписки о невыезде;
- б) наличие у него постоянного или временного места жительства;
- в) ответственное отношение обвиняемого (подозреваемого) к своим обязательствам.

Личное поручительство в отличие от подписки о невыезде на практике используется нечасто. Причиной этого называют недостаточно ответственный подход отдельных поручителей к исполнению принимаемых ими обязательств <1>. Для исправления ситуации предлагается "рассмотреть вопрос о существенном увеличении максимального размера денежного взыскания, накладываемого на поручителя в случае невыполнения им своих обязательств" <2>. Но как существенно увеличенный размер взыскания повысит ответственность поручителей и скажется на частоте применения рассматриваемой меры пресечения? Если все дело в безответственности поручителей, то они, зная о высоком размере взыскания за неисполнение своих обязательств, просто откажутся от поручительства, что еще больше сократит случаи избрания в качестве меры пресечения личного поручительства.

<1> Александров А.И. [Участие граждан в производстве](#) по уголовным делам в свете демократизации современной уголовно-процессуальной политики России // Рос. судья. 2012. N 11.

<2> Там же. См. также: Бурлакова Я.Ю. Проблемы избрания и применения мер уголовно-процессуального пресечения, не связанные с лишением или ограничением свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. С. 10.

Представляется, что причина редкого применения личного поручительства коренится не в низкой ответственности поручителей (ведь решение об избрании этой меры пресечения принимают не они, а органы государства), а в отсутствии законодательного определения оснований для его применения <1>. У читающего текст [ст. 103](#) УПК может сложиться впечатление, что о содержательном основании для применения этой меры пресечения вообще нет необходимости говорить. Вопрос о ее избрании решается при поступлении письменного ходатайства поручителя (поручителей), в котором последний ручается за то, что обвиняемый (подозреваемый) будет выполнять обязательства, предусмотренные [п. п. 2 и 3 ст. 102](#) УПК. Если поручитель производит впечатление лица, заслуживающего доверие, то проблем не возникает, следовательно избирает личное поручительство. Но его ли это решение? Ему предлагают - он соглашается, не осуществляя практически никакой доказательственной деятельности, а ведь именно ее результаты дают основания для применения конкретной меры пресечения. Парадоксальная ситуация: достаточно выяснить, что поручитель заслуживает доверия, чтобы предположить, что обвиняемый (подозреваемый) не скроется от следствия и суда, не будет заниматься преступной деятельностью, не воспрепятствует нормальному ходу расследования. Но можно ли при этом доверять самому обвиняемому (подозреваемому)? И на чем основана уверенность поручителя в том, что он выполнит обязательства? Приведенное свидетельствует о том, что в описываемой законодателем ситуации у следователя нет оснований для применения личного поручительства.

<1> Недоработка законодателя позволяет некоторым авторам делать вывод о том, что основания для избрания личного поручительства "являются общими для всех мер пресечения" (Оськина И., Лупу А. [Господин поручитель](#) // ЭЖ-Юрист. 2012. N 40). Перед авторами не встает вопрос, зачем такое разнообразие мер пресечения, если основания для их избрания одинаковы.

Неудовлетворительно не только содержание этой [статьи](#), но и ее редакция. Обратите внимание: поручитель дает **обязательство** о том, что **ручается** за выполнение подозреваемым или обвиняемым **обязательств**. Звучит не по-русски.

Попробуем обозначить основание для избрания этой меры пресечения. Согласно [ст. 103](#) поручитель должен заслуживать доверие; эта мера пресечения избирается с согласия поручителя и лица, в отношении которого дается поручительство; ответственность за нарушение меры пресечения обвиняемым в виде денежного взыскания возлагается на поручителя. В основе всех этих производных моментов лежат личные отношения между обвиняемым и поручителем, которые строятся на морально-нравственных связях <1>. Эти отношения должны представлять ценность для обвиняемого. Нужно, чтобы поручитель заслуживал доверие не только у органов, но и у обвиняемого <2>. Более того, он должен быть авторитетом для обвиняемого, человеком, мнением которого он дорожит, подвести которого не может (напомним, что за нарушение этой меры пресечения ответственность возлагается на поручителя).

<1> См. также: Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России / Науч. ред. А.В. Кудрявцева. Челябинск, 2004; URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/tkacheva/1-2.htm>; Баландюк О.В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения. С. 84.

<2> Правда, в одной из предыдущих работ О.В. Баландюк писала, что отношения, "возникающие в ходе применения личного поручительства, имеют специфический характер, поскольку они строятся на взаимном доверии между органом, ведущим уголовное судопроизводство, подозреваемым (обвиняемым) и поручителем" (Баландюк О.В. [О правовом положении личного поручителя](#) в уголовном судопроизводстве // Рос. следователь. 2014. N 13). См. также: Данилова С.И. [Избрание, отмена или изменение](#) меры пресечения в виде личного поручительства в ходе предварительного расследования // URL: <http://www.center-bereg.ru/955.html>). Не следует ли фразу о взаимном доверии понимать так: личное поручительство избирается только в случае доверия поручителя и обвиняемого органу, ведущему уголовное судопроизводство? Вопрос риторический.

Отношения с обвиняемым должны быть ценны и для поручителя <1>. Ручаться за другого имеет смысл, только если есть уверенность в том, что он не подведет. Уверенность можно обеспечить различными способами, в том числе криминальными. Если они и пригодны для отдельных "авторитетов", то непригодны для уголовного процесса. Лицо, принимающее решение о применении этой меры пресечения, должно обладать информацией о том, что поручитель способен оказать позитивное влияние на обвиняемого <2>. И средства для этого должны быть наполнены позитивным содержанием.

<1> Часть указанных нами обстоятельств, значимых для принятия решения об избрании личного поручительства, приводит Д.Р. Исеев, но рассматривает их в качестве средств, обеспечивающих эффективность применения упомянутой меры пресечения (Исеев Д.Р. Указ. соч.).

<2> О том, что поручитель должен обладать авторитетом и средствами влияния на обвиняемого, писали и другие авторы (см., например: Бурлакова Я.Ю. Указ. соч. С. 18), но они не связывали указанное с основанием для избрания данной меры пресечения. Это нашло отражение в предложенной редакции [ч. 4 ст. 103](#) УПК: "В случае невыполнения поручителем своих обязательств на него может быть наложено денежное взыскание в размере до пятидесяти тысяч рублей в порядке, установленном [статьей 118](#) настоящего Кодекса" (Там же). О чем свидетельствуют существующая и предлагаемая редакции? На наш взгляд, о том, что основание для избрания личного поручительства следователем было выбрано неверно или выбрано просто в силу того, что нашелся личный поручитель, который по факту не обладает авторитетом и возможностью влияния. Ошибся следователь, а отвечать предлагают личному поручителю. [Часть 3 ст. 105](#) УПК, полагаем, имеет те же недостатки.

Однако в литературе можно встретить и иную характеристику средств, которыми должен быть наделен поручитель. Говорят даже о возможности применения поручителем к обвиняемому (подозреваемому) мер физического принуждения. Как считает З.Д. Еникеев, поручитель может задерживать и доставлять в правоохранительные органы своего подопечного, если ему станет известно, что тот собирается скрыться; кроме того, поручитель должен предотвращать действия, направленные на срыв следствия, пресекать возможность продолжения преступных действий <1>. Противоречивую позицию по

этому вопросу занимает О.В. Баландюк. С одной стороны, она, опираясь на мнение А.А. Лиеды <2>, считает недопустимым применение поручителем каких-либо мер принуждения, с другой - соглашается с З.Д. Еникеевым и иными авторами, разделяющими его точку зрения <3>. Но о каком доверии в последнем случае может идти речь? В кого превращается поручитель? В надзирателя, который на добровольных началах выполняет обязанности помощника следователя. Даст ли обвиняемый (подозреваемый) согласие на избрание в качестве меры пресечения личного поручительства, зная о том, что поручитель может применить к нему меры принуждения? Вопрос риторический.

<1> Еникеев З.Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988. С. 8.

<2> Лиеда А.А. Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве. Рига, 1963. С. 96 - 97.

<3> Баландюк О.В. [Указ. соч.](#) В литературе предложен более элегантный, но совершенно негодный выход из этой ситуации: не можем решить мы - пусть решает поручитель. И. Оськина и А. Лупу пишут: "Методы пресечения ненадлежащего поведения и уклонения обвиняемого от явки по вызовам поручитель должен избирать самостоятельно, по своему личному усмотрению" (Оськина И., Лупу А. [Господин поручитель](#)). Не слишком ли много мы готовы передать на усмотрение участников процесса?

Таким образом, полагаем, что при решении вопроса о применении такой меры пресечения, как личное поручительство, выяснению подлежат следующие формальные и содержательные обстоятельства:

а) возраст поручителя и его дееспособность <1>;

<1> Выделяя эти обстоятельства, С.И. Данилова связывает возраст поручителя с достижением им 18 лет (Данилова С.И. [Указ. соч.](#)). Безусловно, он должен быть совершеннолетним, но главное - он должен быть старше и мудрее обвиняемого, за которого поручается.

б) согласие поручителя и обвиняемого (подозреваемого) на применение этой меры пресечения;

в) проживание поручителя и обвиняемого (подозреваемого) в одном населенном пункте, желательно поблизости;

г) материальное положение поручителя;

д) ценность взаимоотношений для обвиняемого и поручителя;

е) положительное влияние поручителя на обвиняемого;

ж) ценностные установки и доминантный мотив поручителя <1>.

<1> С.И. Данилова в одной из своих [статей](#) следовала той же логике, что и мы, выделяя обстоятельства, подлежащие доказыванию при избрании в качестве меры пресечения личного поручительства. Правда, не все обстоятельства у нас совпали. Но конец "смазал" сложившееся положительное впечатление о работе: оказывается, "основания для избрания личного поручительства изложены в [частях 1 и 2 ст. 97 УПК](#)", а обстоятельства, подлежащие установлению, - в [ст. 99 УПК](#) (Данилова С.И. [Указ. соч.](#)). Причем здесь личное поручительство?

Первые четыре основания носят формальный характер, но без их установления переходить к содержательным не имеет смысла.

Поручитель может появиться в кабинете следователя по собственной инициативе, по инициативе обвиняемого (подозреваемого), а также по инициативе самого следователя. Во всех этих случаях у одного

(так как желание другого выявлено его инициативой) или у обоих следует выяснить согласие на применение личного поручительства. Его отсутствие свидетельствует о том, что отношения между возможным поручителем и обвиняемым (подозреваемым) не достигли того уровня, который позволяет надеяться на эффективность применения в качестве меры пресечения личного поручительства.

Важно также, чтобы поручитель и обвиняемый проживали в одном населенном пункте, желательно вблизи. Поручитель должен оказывать на поручаемого активное влияние, что на большом расстоянии довольно проблематично <1>. Проживание поручителя в непосредственной близости от места жительства обвиняемого выясняется не только по штампу в паспорте о месте регистрации, следует также расспросить его знакомых и соседей и удостовериться в непротиворечивости полученной информации.

<1> Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 93, 102.

Дополнительно предстоит узнать материальное положение поручителя на тот случай, если возникнет вопрос о наложении денежного взыскания при нарушении обвиняемым этой меры пресечения.

Для установления ценности отношений обвиняемого и поручителя мы должны иметь представление не только о первом, но и о втором. Нам необходимо выяснить ценностные установки и доминантный мотив поручителя, а также удостовериться в том, что позитивные ценности, отстаиваемые им в повседневной жизни, значимы для обвиняемого, оказывают на него положительное влияние. Вывод об этом мы сможем сделать, только проанализировав историю отношений обвиняемого и поручителя. Мы должны из общей массы их взаимодействий выделить те, которые свидетельствуют о ценности этих отношений как для обвиняемого, так и для поручителя.

Необходимость получения сведений о поручителе, о том, как складывались его отношения с обвиняемым, о положительном влиянии поручителя на обвиняемого делает схему доказывания наличия оснований для избрания этой меры пресечения несколько более сложной, чем рассмотренные ранее. Выяснение ценностных установок и доминантного мотива поручителя лежит в основе заключения о его положительном влиянии на обвиняемого, но полностью его не охватывает. Неважно, насколько хороший человек поручитель, если это совершенно безразлично обвиняемому. О возможности будущего положительного влияния можно говорить лишь при наличии подобного в прошлом. Но вывод о значимости отношений делается не только в опоре на случаи положительного влияния. Информация, лежащая в основе этого вывода, должна отражать ключевые факты истории взаимоотношений обвиняемого и поручителя. Установленная взаимосвязь между тремя указанными обстоятельствами дает основание для принятия решения об избрании в качестве меры пресечения личного поручительства.

Процесс доказывания в данном случае складывается из нескольких взаимосвязанных уровней. Сначала мы имеем дело с реальными объектами - следами. Снятая с них информация (идеальные объекты) позволяет сделать вывод о наличии одного из трех названных обстоятельств. Корреляция между установленными обстоятельствами (идеальными объектами) дает основание для избрания интересующей нас меры пресечения.

Рассмотренные меры пресечения при наличии соответствующих оснований могут применяться к различному обвиняемым и подозреваемым, в том числе к военнослужащим или проходящим военные сборы и несовершеннолетним. В то же время для последних предусмотрены специализированные меры пресечения - наблюдение командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Особые условия прохождения воинской службы или сборов (ограниченность в свободе передвижения, возможность обеспечения круглосуточного наблюдения за обвиняемым со стороны командования воинской части, другие ограничения, накладываемые на военнослужащих уставами Вооруженных Сил Российской Федерации) делают меру пресечения, закрепленную в [ст. 104 УПК](#), очень похожей на домашний арест. Но территория казармы или гарнизона все же не дом родной.

Законодатель в этом случае, как и во многих других, предлагает нам самим определить основание для избрания этой меры пресечения. Правда, он дает подсказку. В [ч. 2 ст. 104](#) говорится о том, что данная

мера избирается лишь с согласия обвиняемого (подозреваемого). О согласии командования воинской части речи не идет. Обеспечить надлежащее поведение военнослужащего - служебный долг командира <1>.

<1> См. также: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. [Комментарий](#) к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2012.

Согласие обвиняемого гарантирует действенность этой меры, поскольку предполагает установление ряда обстоятельств, которые и дают основание для ее применения. Полагаем, что без выяснения отношения военнослужащего к службе избрание наблюдения командования воинской части (даже при наличии согласия обвиняемого, независимо от того, чем оно обусловлено) нецелесообразно. Его отношение к службе во многом зависит от того, какие отношения складываются в воинском коллективе. Это обстоятельство также требует внимательного изучения. Не исключена ситуация, когда человек шел в армию с желанием служить, но нравы, царящие в отделении, взводе, роте, напрочь отбили его. Нравственный климат воинского подразделения во многом зависит от командира, и если он поддерживает воинскую дисциплину исключительно кулаками и сапогами старослужащих, то вряд ли обвиняемый захочет остаться под его наблюдением.

Как видим, вопрос о том, находится или нет в воинском коллективе во время предварительного расследования и суда, решает сам военнослужащий <1>. Вполне возможно, что он пожалеет о решении остаться, если некоторые командиры начнут следовать рекомендациям Е.А. Белоусова. Последний советует оказывать на обвиняемого воспитательное воздействие, постоянно напоминая ему о том, что он совершил преступление, нарушил воинский долг и поэтому содержится в специальных условиях в воинской части, где проходит его служба <2>. В основе такой рекомендации - неверное представление о роли меры пресечения в уголовном процессе. Это подтверждает О.В. Баландюк, которая предлагает командирам руководствоваться [п. 18](#) Приказа Минобороны России от 29 июля 1997 г. N 302 "О правилах отбывания наказаний осужденных военнослужащих", регламентирующим порядок и условия исполнения наказаний в отношении осужденных военнослужащих. С ее точки зрения, целесообразно в соответствии с указанным [пунктом](#) усилить элементы воспитательного воздействия в рамках исполнения рассматриваемой меры пресечения <3>.

<1> О необходимости получения согласия см. также: Оськина И., Лупу А. [Под наблюдением](#) // ЭЖ-Юрист. 2013. N 17 - 18.

<2> Белоусов А.Е. Вопросы теории и практики мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1995. С. 65. См. также: Чуниха А.А. Особенности применения и исполнения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части // Вопр. современной юриспруденции: Сб. ст. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2012; URL: <http://sibas.info/conf/law/xvi#article>.

<3> Баландюк О.В. Применение специальной меры пресечения в отношении военнослужащих // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. N 2. С. 77 - 78.

Без сомнения, для авторов, дающих подобные рекомендации, обвиняемый виновен. Мы не раз уже повторяли, что любая мера пресечения не приговор. Вина еще не установлена в законном порядке, а военнослужащему постоянно напоминают о том, что он совершил преступление. Может ли подобное оказать воспитательное воздействие, есть ли вообще для него основания? Е.А. Белоусов перед собой эти вопросы не ставит, а следовало бы. К сожалению, анализируемый подход появился не вчера. Это развитие позиции А.Д. Лившица, который полагал, что применение рассматриваемой меры пресечения оказывает воспитательное, предупредительное воздействие на остальных военнослужащих <1>. В данном случае речь шла об общей превенции, а ранее - о частной. Может быть, при применении санкции нормы уголовного права и есть смысл говорить о частной и общей превенции, но перенесение их в уголовный процесс, привязка к реализации мер пресечения - проявление односторонности мышления, выражение вовне обвинительного подхода.

<1> Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 68.

Вернемся к основаниям для избрания в качестве меры пресечения наблюдения командования воинской части. Итак, посредством снятия информации с реальных объектов предстоит выяснить:

- а) отношение лица к воинской службе;
- б) нравственную основу отношений в воинском коллективе, где находится обвиняемый;
- в) согласие обвиняемого на применение этой меры пресечения.

Последнее обстоятельство является формальным <1>, оно подкрепляет наше решение об избрании рассматриваемой меры пресечения. Мы не будем его учитывать, если нет содержательных оснований для ее применения.

<1> Хотя мы и обозначаем согласие обвиняемого как формальное основание для применения меры пресечения, его обуславливает много содержательных моментов. Однако есть авторы, считающие, что ни к чему получать согласие у военнослужащего в силу того, что "военнослужащий, принявший присягу, и так не вправе уклониться от контроля со стороны командования, так что его согласие на это не требуется" (Белкин А.Р. [Указ. соч.](#)). Пойти по этому пути - сделать пребывание военнослужащих в воинской части нестерпимым, что может подтолкнуть их к побегу или совершению нового преступления.

Последняя мера пресечения - присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым). Присмотр, как и две рассмотренные выше меры пресечения, на практике применяется, по словам С.В. Тетюева, "крайне редко" <1>. Установить основания для применения этой меры пресечения не представляет труда. Мы их выявили практически полностью, когда говорили о личном поручительстве, частично - когда рассматривали наблюдение командования воинской части. К уже названному следует добавить такие индивидуализирующие эту меру формальные обстоятельства, как несовершеннолетие обвиняемого (подозреваемого); наличие у него родителей или законных представителей.

<1> Тетюев С.В. [Избрание мер пресечения](#) в отношении несовершеннолетних // Судья. 2015. N 7. Этот вывод подтверждает И. Макаренко (Макаренко И. [К вопросу о применении меры](#) пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2007. N 2).

Законодатель предусматривает, что кроме родителей, опекунов <1> и попечителей присмотр могут осуществлять и другие заслуживающие доверия лица. Здесь мы вплотную подступаем к личному поручительству. Безусловно, и поручитель, и лица, присматривающие за несовершеннолетним, должны заслуживать доверия, но все же между двумя упомянутыми мерами пресечения есть содержательное отличие. Для успешной реализации личного поручительства у поручителя должна быть возможность оказывать позитивное влияние на обвиняемого (подозреваемого), что предполагает их проживание вблизи друг от друга. Присмотр же без повседневного контроля не может осуществляться, что предполагает необходимость совместного проживания реализующего эту меру пресечения лица с несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым). Но в каком случае это лицо проживает совместно с несовершеннолетним и принимает на себя обязательство по присмотру за ним? Это происходит только тогда, когда ни родители, ни законные представители не заслуживают доверия, в том числе в силу отсутствия у них средств к обеспечению надлежащего поведения несовершеннолетнего. Однако при наличии согласия такого лица и несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) речь целесообразно вести уже не о присмотре, а о личном поручительстве. Представляется, что в [ст. 105](#) УПК "другие заслуживающие доверия лица" появились по недоразумению <2>.

<1> Мы согласны с аргументацией А.Р. Белкина, выводящего опекунов из числа лиц, на которых может быть возложен присмотр за несовершеннолетними подозреваемыми (обвиняемыми) (Белкин А.Р. [Указ. соч.](#)).

<2> "Представляется совершенно очевидным, что никакие другие лица, кроме тех, кто по закону уже и так вправе и обязан заботиться о несовершеннолетнем, здесь упоминаться не должны", - считает А.Р. Белкин (Белкин А.Р. [Указ. соч.](#))

Судя по тексту [ст. 105](#), законодателью безразлично согласие родителей и попечителей на применение в отношении несовершеннолетнего рассматриваемой меры пресечения. Он предлагает органу, решающему вопрос об избрании присмотра, отбирать у этих лиц письменное обязательство о том, что они обеспечат надлежащее, т.е. соответствующее целям применения мер пресечения, поведение обвиняемого (подозреваемого). Понятно, почему в данном случае не требуется согласие. Зачем спрашивать его у тех, кто обязан присматривать за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) по совести и закону <1>? Способны ли они к этому - другой вопрос. И он не проходной, ответить на него можно, в том числе выясняя согласие родителей и попечителей <2>. Лишним не будет узнать и о согласии несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых), так как оно может свидетельствовать о нежелательных воспитательных методах, к которым прибегают их по закону близкие, но фактически жестокие и далекие от них родственники <3>. Г.П. Химичева полагает, что нужно на законодательном уровне закрепить обязанность следственных органов, независимо от формы присмотра, выяснять у несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) согласие на применение этой меры пресечения. Она пишет, что "игнорирование мнения несовершеннолетнего не только нивелирует воспитательное воздействие данной меры пресечения, но и, вполне вероятно, приведет к нарушению им ограничений, которые налагает на него эта мера" <4>. Трудно с этим не согласиться <5>.

<1> По всей видимости, именно поэтому отдельные авторы утверждают, что "следователь вправе применить эту меру пресечения вопреки желанию указанных лиц" (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. В.И. Радченко. М., 2004. С. 217).

<2> Тетюев С.В. [Указ. соч.](#); Бегалиев К. Прокурорский надзор за расследованием дел о преступлениях несовершеннолетних. М., 1971. С. 67 и др.

<3> О необходимости выяснения согласия см.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. [Указ. соч.](#); Бурлакова Я.Ю. [Указ. соч.](#) С. 20; Ережипалиев Д.И. [Особенности прокурорского надзора](#) за исполнением законов при избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. N 5. Вместе с тем И.Н. Кондрат полагает, что выяснять согласие несовершеннолетних не следует в силу их возрастных особенностей (Кондрат И.Н. [Указ. соч.](#)).

<4> Химичева Г.П. [Несовершеннолетний обвиняемый \(подозреваемый\): меры пресечения](#) // Уголовное судопроизводство. 2014. N 4.

<5> Есть авторы, которые, напротив, утверждают, что согласия как несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), так и лица, под присмотр которого он отдается, не требуется (Оськина И., Лупу А. [Внимание! Несовершеннолетний подозреваемый](#) // ЭЖ-Юрист. 2015. N 5).

Перечислим обстоятельства, подлежащие доказыванию при избрании в отношении несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) в качестве меры пресечения присмотра:

а) несовершеннолетие обвиняемого (подозреваемого);

б) наличие у несовершеннолетнего родителей или законных представителей;

в) согласие родителей, попечителей и несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) на применение этой меры пресечения;

г) наличие у несовершеннолетнего постоянного или временного места жительства;

д) совместное проживание несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) с родителями, законными представителями;

е) тот факт, что родители, законные представители заслуживают доверия;

ж) способность родителей, законных представителей оказать положительное воздействие на несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), не допустить совершение им действий, препятствующих нормальному ходу предварительного следствия и судебного разбирательства <1>.

<1> И. Оськина и А. Лупу в качестве оснований для избрания пристра, как и других мер пресечения, рассматривают обстоятельства, перечисленные в ст. 97 УПК (Оськина И., Лупу А. **Внимание! Несовершеннолетний подозреваемый**).

Поясним последнее обстоятельство. При рассмотрении иных мер пресечения мы подчеркивали, что в качестве цели их избрания не следует рассматривать воспитательное воздействие на обвиняемого (подозреваемого). Подобный результат мог быть лишь побочным продуктом применения меры пресечения. Однако то же самое нельзя сказать о пристра за несовершеннолетним <1>. Те, на кого может быть возложена обязанность по реализации этой меры пресечения, должны в силу закона оказывать воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, которое не прерывается при применении меры пресечения, а только усиливается <2> для достижения ее целей. Следует подчеркнуть последнее, чтобы воспитатели не рассматривали применение мер воздействия как реакцию на совершенное несовершеннолетним преступление, ведь этот факт еще не признан приговором суда, вступившим в законную силу.

<1> О воспитательном наполнении этой меры пресечения см.: Лившиц Ю.Д. Указ. соч. С. 63; Еникеев З.Д. Указ. соч. С. 69 - 71 и др.

<2> Полещук О.В., Яровенко Е.В. Преступность несовершеннолетних: криминологические и процессуальные аспекты: Учеб. пособ. Владивосток, 2007. С. 55; Чернова С.С. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: Учеб.-практ. пособ. Тюмень, 2013. С. 20.

Среди предлагаемых нами формальных обстоятельств нет обстоятельства, связанного с необходимостью выяснения условий проживания несовершеннолетнего. Мы оговариваем этот момент лишь в связи с указанием на него в **проекте** Федерального закона N 679268-6 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел", принятом Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении 27 марта 2015 г. <1>. Если установлены все содержательные основания для применения пристра за несовершеннолетним, то учет условий проживания при их несоответствии стандартам станет свидетельством перехода на рельсы западной ювенальной юстиции. Хотелось бы подчеркнуть, что главными для принятия решения остаются содержательные основания.

<1> URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/679268-6>.

Схема выяснения указанных обстоятельств несложна и во многом схожа со схемой, используемой при избрании в качестве меры пресечения личного поручительства.

Если несовершеннолетний обвиняемый находится в специализированном детском учреждении, пристра за ним могут осуществлять должностные лица этого учреждения. В данном случае нас интересует отношение несовершеннолетнего обвиняемого к внутреннему распорядку и нравственный

климат в коллективе, которые позволяют судить о том, обладают ли должностные лица этого специализированного учреждения средствами позитивного воздействия на несовершеннолетнего для обеспечения его надлежащего поведения. Здесь также следует выяснить ряд формальных и содержательных оснований:

- а) несовершеннолетие обвиняемого (подозреваемого);
- б) нахождение несовершеннолетнего в специализированном детском учреждении на законных основаниях;
- в) характер отношений с другими несовершеннолетними;
- г) характер отношений с воспитателем (необходимо установить, обладает ли воспитатель авторитетом и средствами положительного воздействия на несовершеннолетнего).

Схема установления этих обстоятельств аналогична схеме установления оснований для применения в качестве меры пресечения наблюдения командования воинской части.

В связи с наличием двух разновидностей присмотра за несовершеннолетними мы разделяем предложение Н.В. Ткачевой о включении в УПК двух статей, регламентирующих применение этой меры пресечения, но не в силу их отличия по строгости <1>, а в силу того, что в каждом случае подлежат доказыванию разные обстоятельства.

<1> Ткачева Н.В. Указ. соч.

Список литературы

Александров А.И. [Участие граждан в производстве](#) по уголовным делам в свете демократизации современной уголовно-процессуальной политики России // Рос. судья. 2012. N 11.

Баландюк О.В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.

Баландюк О.В. [О правовом положении личного поручителя](#) в уголовном судопроизводстве // Рос. следователь. 2014. N 13.

Баландюк О.В. Применение специальной меры пресечения в отношении военнослужащих // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. N 2.

Барабаш А.С. [Цели и основания избрания меры](#) пресечения // Актуальные проблемы рос. права. 2015. N 12.

Бегалиев К. Прокурорский надзор за расследованием дел о преступлениях несовершеннолетних. М., 1971.

Белкин А.Р. ["Менее строгие" меры пресечения](#) в уголовном процессе России // Уголовное судопроизводство. 2012. N 3.

Белоусов А.Е. Вопросы теории и практики мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1995.

Булатов Б.Б., Николюк В.В., Цоколова О.И. Меры пресечения в уголовном процессе: Учеб.-практ. пособ. М., 2005.

Бурлакова Я.Ю. Проблемы избрания и применения мер уголовно-процессуального пресечения, не связанные с лишением или ограничением свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009.

Данилова С.И. [Избрание, отмена или изменение](#) меры пресечения в виде личного поручительства в ходе предварительного расследования // URL: <http://www.center-bereg.ru/955.html>.

Еникеев З.Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988.

Ережипалиев Д.И. [Особенности прокурорского надзора](#) за исполнением законов при избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. N 5.

Исеев Д.Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009; URL: https://susu.ru/abstract/file/abstract/iseev_damir_ruslanovich.doc.

Калиновский К.Б. Система мер пресечения в российском уголовном процессе: современные проблемы и исторический опыт // URL: <http://www.iuaj.net/node/1550>.

КонсультантПлюс: примечание.

[Статья](#) Н.А. Колоколова "Залог, домашний арест: становление практики (статья 1)" включена в информационный банк согласно публикации - "Российский следователь", 2011, N 11.

Колоколов Н.А. Залог, домашний арест: становление практики (статья 1) // Уголовный процесс. 2011. N 11.

Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. В.И. Радченко. М., 2004.

Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А.М. Рекункова, А.К. Орлова. М., 1985.

Кондрат И.Н. [Обеспечение прав личности](#) в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика. М., 2015.

Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964.

Лиеде А.А. Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве. Рига, 1963.

Макаренко И. [К вопросу о применении меры](#) пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2007. N 2.

Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996.

[Проект](#) Федерального закона N 679268-6 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел" // URL: <http://api.duma.gov.ru/api/tran-script/679268-6>.

Оськина И., Лупу А. [Господин поручитель](#) // ЭЖ-Юрист. 2012. N 40.

Оськина И., Лупу А. [Под наблюдением](#) // ЭЖ-Юрист. 2013. N 17-18.

Оськина И., Лупу А. [Внимание! Несовершеннолетний подозреваемый](#) // ЭЖ-Юрист. 2015. N 5.

Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989.

Подписка о невыезде // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1626.

Полещук О.В., Яровенко Е.В. Преступность несовершеннолетних: криминологические и процессуальные аспекты: Учеб. пособ. Владивосток, 2007.

Смирнов А.В., Калиновский К.Б. [Комментарий](#) к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2012.

КонсультантПлюс: примечание.

[Учебник](#) А.В. Смирнова, К.Б. Калиновского "Уголовный процесс" (под общ. ред. А.В. Смирнова) включен в информационный банк согласно публикации - КНОРУС, 2008.

Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учеб. СПб., 2004.

Тетюев С.В. [Избрание мер пресечения](#) в отношении несовершеннолетних // Судья. 2015. N 7.

Тимохин Ю.А. [Значение подписки о невыезде](#) и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю // Рос. следователь. 2012. N 10.

Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России / Науч. ред. А.В. Кудрявцева. Челябинск, 2004; URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/tkacheva/1-2.htm>.

Ткачева Н.В. Теория и практика применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.

Химичева Г.П. [Несовершеннолетний обвиняемый \(подозреваемый\)](#): меры пресечения // Уголовное судопроизводство. 2014. N 4.

Цоколова И.О. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. N 1.

Чернова С.С. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: Учеб.-практ. пособ. Тюмень, 2013.

Чуниха А.А. Особенности применения и исполнения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части // Вopr. современной юриспруденции: Сб. ст. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2012; URL: <http://sibas.info/conf/law/xvi#article>.

References

Aleksandrov A.I. Uchastie grazhdan v proizvodstve po ugovolnym delam v svete demokratizacii sovremennoj ugovolno-processual'noj politiki Rossii // Ros. sud'ya. 2012. N 11.

Balandyuk O.V. Ispolnenie mer ugovolno-processual'nogo prinuzhdeniya: Dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2015.

Balandyuk O.V. O pravovom polozhenii lichnogo poruchitelya v ugovolnom sudoproizvodstve // Ros. sledovatel'. 2014. N 13.

Balandyuk O.V. Primenenie special'noj mery presecheniya v otnoshenii voennosluzhashhix // Psixopedagogika v pravooxranitel'nyx organax. 2015. N 2.

Barabash A.S. Celi i osnovaniya izbraniya mery presecheniya // Aktual'nye problemy ros. prava. 2015. N 12.

Begaliev K. Prokurorskiy nadzor za rassledovaniem del o prestupleniyax nesovershennoletnix. M., 1971.

Belkin A.R. "Menee strogie" mery presecheniya v ugovolnom processe Rossii // Ugovolnoe sudoproizvodstvo. 2012. N 3.

Belousov A.E. Voprosy teorii i praktiki mer ugovolno-processual'nogo presecheniya po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: Dis. ... kand. jurid. nauk. Izhevsk, 1995.

Bulatov B.B., Nikolyuk V.V., Cokolova O.I. Mery presecheniya v ugovolnom processe: Ucheb.-prakt. posobie. M., 2005.

Burlakova Ya.Yu. Problemy izbraniya i primeneniya mer ugolovno-processual'nogo presecheniya, ne svyazannye s lisheniem ili ogranicheniem svobody: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2009.

Chernova S.S. Proizvodstvo po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnix: Ucheb.-prakt. posobie. Tyumen', 2013.

Chunixa A.A. Osobennosti primeneniya i ispolneniya mery presecheniya v vide nablyudeniya komandovaniya voinskoj chasti // Vopr. sovremennoj yurisprudencii: Sb. st. po materialam XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk, 2012; URL: <http://lsibas.info/conflaw/xvi#article>.

Cokolova I.O. Podpiska o nevyezde kak ogranichenie prav lichnosti // Problemy pravooxranitel'noj deyatel'nosti. 2015. N 1.

Danilova S.I. Izbranie, otmena ili izmenenie mery presecheniya v vide lichnogo poruchitel'stva v xode predvaritel'nogo rassledovaniya // URL: <http://www.center-bereg.ru/955.html>.

Enikeev Z.D. Primenenie mer presecheniya po ugolovnym delam (v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya). Ufa, 1988.

Erezhipaliev D.I. Osobennosti prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri izbranii mery presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnix // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2014. N 5.

Iseev D.R. Sistema mer prinuzhdeniya i poryadok ix primeneniya v ugolovnom processe Rossii: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ufa, 2009; URL: https://susu.ru/abstract/file/abstract/iseev_damir_ruslanovich.doc.

Kalinovskij K.B. Sistema mer presecheniya v rossijskom ugolovnom processe: sovremennye problemy i istoricheskij opyt // URL: <http://www.iaaj.net/node/1550>.

Kolokolov N.A. Zalog, domashnij arest: stanovlenie praktiki (stat'ya 1) // Ugolovnyj process. 2011. N 11.

Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / Pod obshh. red. V.I. Radchenko. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2004.

Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu RSFSR / Pod red. A.M. Rekunkova, A.K. Orlova. M., 1985.

Kondrat I.N. Obespechenie prav lichnosti v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: zakonodatel'noe regulirovanie i pravoprimenitel'naya praktika. M., 2015.

Liede A.A. Obshhestvennoe poruchitel'stvo v ugolovnom sudoproizvodstve. Riga, 1963.

Livshic Yu.D. Mery presecheniya v sovetskom ugolovnom processe. M., 1964.

Makarenko I. K voprosu o primenenii mery presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnix // Ugolovnoe pravo. 2007. N 2.

Mixajlov V.A. Mery presecheniya v rossijskom ugolovnom processe. M., 1996.

O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti rasshireniya perechnya kategorij nesovershennoletnix, pomeshhaemyx v centry vremennogo soderzhaniya dlya nesovershennoletnix pravonarushitelej organov vnutrennix del: Proekt federal'nogo zakona N 679268-6 // URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/679268-6>.

Os'kina I., Lupu A. Gospodin poruchitel' // EhZh-Yurist. 2012. N 40.

Os'kina I., Lupu A. Pod nablyudeniem // EhZh-Yurist. 2013. N 17 - 18.

Os'kina I., Lupu A. Vnimanie! Nesovershennoletnij podozrevaemyj // EhZh-Yurist. 2015. N 5.

Petruxin I.L. Neprikosновенност' lichnosti i prinuzhdenie v ugovnom processe. M., 1989.

Podpiska o nevyezde // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1626.

Poleshhuk O.V., Yarovenko E.V. Prestupnost' nesovershennoletnix: kriminologicheskie i processual'nye aspekty: Ucheb. posobie. Vladivostok, 2007.

Smirnov A.V., Kalinovskij K.B. Kommentarij k ugovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / Pod obshh. red. A.V. Smirnova. M., 2012.

Smirnov A.V., Kalinovskij K.B. Ugolovnyj process: Ucheb. SPb., 2004.

Tetyuev S.V. Izbranie mer presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnix // Sud'ya. 2015. N 7.

Timoxin Yu.A. Znachenie podpiski o nevyezde i nadležashhem povedenii kak mery presecheniya, prepjatstvuyushhej ukloneniyu obvinyaemogo ot yavki k sledovatelyu // Ros. sledovatel'. 2012. N 10.

Tkacheva N.V. Mery presecheniya, ne svyazannye s zaklyucheniem pod strazhu, v ugovnom processe Rossii / Nauch. red. A.V. Kudryavceva, Chelyabinsk, 2004; URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/tkacheva/1-2.htm>.

Tkacheva N.V. Teoriya i praktika primeneniya mer presecheniya, ne svyazannyx s zaklyucheniem pod strazhu: Dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2003.

Ximicheva G.P. Nesovershennoletnij obvinyaemyj (podozrevaemyj): mery presecheniya // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2014. N 4.
